

Сводная сестра практически украла ее жениха из-под венца, а теперь приглашает на свадьбу. После такого двойного предательства у кого угодно руки опустились бы. Но следователь Варя Комарова не собирается сдаваться. Ей удастся изменить имидж, стать смелее и отбросить сомнения в себе. Случайное знакомство с красивым и внимательным Артемом затягивает ее в водоворот безумных событий. Артем предлагает ей вместе пойти на свадьбу «предателей», чтобы утереть им нос. Он готов сыграть роль нового парня Вари... Чем обернется эта игра?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6052-8

9 786171 260528

Елена Сокол

Принц для Золушки

Елена Сокол

Принц для Золушки

*Принц
для Золушки*

Елена Сокол

*Принц
для Золушки*

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
С59

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Осторожно, ненормативная лексика!

Дизайнер обложки Алексей Безруков

ISBN 978-617-12-6052-8

- © Соколова Е.В., 2019
- © DepositPhotos.com / olegbreslavtsev, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

— Потому что ты, Варя, — размазня!

Нет, конечно, так он не сказал. Во всяком случае, прямо в глаза. Это уже потом она сама себе, стоя у зеркала, высказала. Хлебнула водки прямо из горлышка, растерла кулаком черные потеки туши под глазами и громко всхлипнула:

— Потому что ты, Варвара Комарова, — настоящая, злостная и отпетая размазня!

После этого, кажется, она пообещала себе, что отныне станет твердой как камень. Серьезной, собранной, суровой... раз... мазн... В этот самый момент следователь Комарова медленно сползла по стене, навалилась плечом на кошачий лоток, полный минерального наполнителя, и уснула сладким сном младенца. Позже, во сне, она все металась, пытаясь избавиться себя от тяжелой доли: цеплялась пальцами за погоны, дергала и тянула, но те никак не желали отрываться, будто намекая, что все еще можно исправить. Еще не поздно. Но Варя не сдавалась — если бы не ее злосчастная работа, он бы никогда не ушел, никогда не ушел...

Бедный Васька, возжелавший сделать свои важные дела и за-приметивший хозяйку спящей лицом в святая святых — в его отхожем месте, недовольно фыркнул и принялся катать по полу пустую бутылку из-под спиртного, так и не ставшую в этот вечер утешением для страждущей души. Единственное, что его беспокоило, как долго он сможет терпеть, пока не обделается, и как сильно получит, если опять рискнет навалить кучу под ванной.

А ведь еще утром ни один из них даже не подозревал, что этот день станет поворотной точкой в жизни обоих. Что этот злосчастный день принесет не только неприятные сюрпризы, но и полный крах всех надежд.

Тем же утром

Реклама по телевизору в который раз навязчиво призывала потребителей думать о своих подмышках, старинные часы на стене в маленькой комнатушке громко тикали, будто специально поторапливая меня, а наглый кот орал, как птеродактиль, сообщая всему миру, что не жрал со вчерашнего вечера.

— Имей совесть, Василий, — взмолилась я, забежав на кухню, — всех соседей перебудуишь!

Но зверь и не думал униматься.

— Мррря! — заявил требовательно. И еще раз: — Мряя-яяяя!

— Хорошо, ты прав. — И я достала из шкафа огромный пакет с кормом. — Забыла тебя вчера накормить, каюсь. Но ты должен принять как смягчающее обстоятельство тот факт, что мое возвращение домой после полуночи было вынужденным — задержалась на работе. Да, как обычно, и не ворчи. Еле доплелась, упала и уснула. Не забывай, что в городе объявился серийный убийца. Маньяк. И его поимка — на данный момент единственный реальный шанс для меня продвинуться по службе.

Как и предполагалось, сей факт моему коту был совершенно безразличен: он продолжал тревожно и протяжно орать. Открыв мешок, я насыпала зверюге полную миску корма, и Василий тотчас набросился на него, как голодный крокодил. Я погладила его, не забыв похлопать по спинке, отыскала очки, нацепила их на нос и ужаснулась: из зеркала на меня смотрело невнятное помятое серое нечто.

Да, усталость никого не красит, а уж со мной и вовсе творит невероятные вещи. Когда-нибудь непременно буду высыпаться, обещаю, но пока не до подобной роскоши: слишком много работы и крайне мало времени на сон.

Я расчесала волосы мягкой щеткой, уложила их в тугий бублик. Надела белую блузку, строгую черную юбку, пиджак, прошлась по ним липким роликом — собрала шерсть любвеобильного Василия. Бросила короткий взгляд в зеркало,

выпрямила спину, нахмурила брови — образ серьезного следователя был почти идеален.

Потрепав все еще занятого едой кота по загривку, я вышла во двор, села в свой маленький и уютный «Шевроле Спарк», который мои коллеги-мужчины почему-то упорно, уже второй год подряд именовали «бешеной табуреткой», и отправилась в родительский дом.

Дом этот строил еще мой отец, когда меня даже в планах не было. Они с мамой тогда только начинали развивать свой маленький бизнес: появилась первая прибыль, на нее и купили небольшой участок недалеко от берега. Строили всей семьей — с бабушками, дедушками, весело и дружно, и через пять лет на этом месте уже стоял каменный особняк. Не замок, нет, так — среднего размера коттедж из белого кирпича, но каждый из членов семьи имел свою комнату — большой шаг вперед. А гостиная с камином — широкая, просторная — и вовсе казалась нам пределом мечтаний.

Когда мы въехали, мне было уже четыре года. А едва исполнилось тринадцать... папа погиб. Его автомобиль сорвался с обрыва и утонул в море. Самоубийство — так гласила официальная версия следствия. Но многие, к примеру, бабушка, до сих пор не согласны с ней. Зачем ему было убивать себя? Уютный дом, любящая семья — жена и дочка... Да, проблемы в бизнесе имелись, у кого их нет, многие видели, что отец нервничал, но нам казалось, что он не из тех, кто так легко сдается...

Неизвестно, что толкнуло его на этот шаг. Но после его смерти мы все старались быть сильными, особенно я. Мама много плакала, уходила в себя, а мне было просто непонятно, зачем он нас бросил. Почему оставил один на один с проблемами фирмы и с нашим горем. Когда никто не слышал, я даже разговаривала с ним, спрашивала, просила помощи. Но никогда не получала ответа.

Его бизнес-партнер и друг, дядя Андрей, в то время очень помог нам. Организовал похороны, уладил все вопросы с долгами, нашел маме хорошего психолога, который позволил ей выйти из депрессии. Поддержка и помощь Андрея ощущались

буквально во всем, и мы точно знали, на кого можем положиться. Через пару месяцев мама попросила папиного друга взять на себя управление ее долей бизнеса, а еще через три года вышла за него замуж. Преданный, заботливый, добрый — он все это время красиво ухаживал за ней, и нам казалось, что о таком муже, как Андрей Майский, можно только мечтать.

Так в доме появилась и Кристина — моя сводная сестра. Щупленькая девчонка, казавшаяся из-за своей худобы почти прозрачной, она стояла на пороге нашего дома и сверлила взглядом пол. Мы были одногодками, но ее мать умерла, когда она была еще крохой. Дядя Андрей воспитывал свою дочь в одиночку, и нам с мамой захотелось обогреть ее, пожалуй, подарить ту любовь, которой она была лишена в детстве.

Не забуду, как подошла к ней тогда, к такой забитой и испуганной, стоящей с тяжелой сумкой на пороге, как хотела обнять и вдруг наткнулась на ледяной взгляд из-под опущенных ресниц. Ее глаза цвета стали вонзились в меня сильнее ножа. Девочка не оттолкнула меня, нет, даже позволила проводить в свою новую комнату, но разговаривать не пожелала. Даже на следующий день.

Поначалу Кристина вообще ни с кем не общалась, глядела на нас недоверчиво, словно дикий волчонок, и это очень расстраивало мою маму. Со временем она все-таки освоилась, и... даже больше. Расслабилась так, что своим гадким поведением нередко приводила в недоумение всех вокруг.

Помню, играли мы с ней в моей комнате. Она примеряла мою одежду, перебирала разноцветные ленты для волос, яркие заколки, простенькие девчачьи украшения из пластмассы и устраивала показы мод. Я чувствовала себя совершенно счастливой оттого, что обрела сестру. Даже подарила Кристине одно из своих любимых платьев — синее с рюшами и широким поясом, его покупал мне еще отец. Мы договорились, что теперь у нас все будет общее, и пошли на прогулку.

Все было на удивление прекрасно: мы шли вдоль солнечной аллеи, срывали цветы и плели венки. У нас даже неплохо получалось вести разговор, мы смеялись и делились маленькими

девичьими секретами. Общение становилось все более легким и непринужденным, когда Кристина вдруг остановилась и побледнела так, будто увидела перед собой как минимум привидение.

Я проследила за ее взглядом. Навстречу шагали две девочки. На вид того же возраста, что и мы, но выглядели они достаточно вызывающе. Темно-синяя помада, черный лак на ногтях, крашенные в безумные цвета волосы. На одной из них было экстремально короткое фиолетовое платье, на другой — полупрозрачный топ и рваные джинсы. Обе шли с сигаретами в зубах.

— Кри! — поздоровалась первая, подойдя ближе.

Они явно были знакомы с Кристиной.

— Привет, а что это за пугало прячется у тебя за спиной? — насмешливо спросила вторая, вытягивая шею и выдыхая дым прямо мне в лицо.

— Привет, — подражая их развязной интонации, пропела новоиспеченная сестра, стараясь держаться как можно более уверенно.

Она бросилась обнимать их и спрашивать, как дела. Будто и забыла о моем существовании. Я попыталась разогнать рукой дым перед своим лицом, не выдержала и закашлялась. Две незнакомки снова обернулись ко мне.

— Так что за пугало, говорю? — напомнила первая девчонка.

— Это... — У Кристины не хватило смелости взглянуть на меня. — Это наша... прислуга.

Обидные слова неприятно укололи меня в самое сердце.

— Так ты хорошо устроилась в новом доме, а? — присвистнула вторая, смачно сплюнув на тротуар.

На хрупкое плечо сестры тут же легла ее тяжелая ладонь. Она вздрогнула.

— Да, нормально, — кивнула Кристина, — может, это... пойдём отсюда?

— Да, пошли. Бабки есть? — с довольным видом улыбнулась первая девчонка.

Я все еще переминалась с ноги на ногу, раздумывая, стоит ли потребовать у Кристины объяснений. Не хватало решимости. Сестра в это время уже рылась в карманах в поисках денег.

— Что за дерьмо вообще на тебе одето? — фыркнула вторая незнакомка, оглядывая ее с ног до головы.

— Надето, — несмело произнесла я.

Сама от себя такого не ожидала.

— Чё? — не поняла та, угрожающе выдвигая вперед нижнюю челюсть и делая шаг в мою сторону. — Ты чё там вякнула?

— Не одето, а надето. — Умничать — совсем не в моем стиле, но почему-то захотелось встать на защиту сестры, ведь та явно боялась этих девчонок. — Надето. Так правильное будет сказать.

— Я говорю, ты, чмо, чё ваще щас вякнула?

Эти слова незнакомка буквально выплюнула мне в лицо вместе с горьким табачным дымом.

— Сказала же тебе, не ходи за мной по пятам! Что неясно?! — внезапно вступила сестра и резким толчком в грудь сбילה меня с ног.

Я упала прямо на асфальт, больно ударившись копчиком. Как она могла? Так поступить со мной... Неожиданно, подло, грубо.

— Ты мне никто, поняла?! — Ее глаза налились гневом, губы искривились в брезгливой ухмылке. — Тупица! — Она обернулась к одобрительно улюлюкающим подружкам. — Пошли отсюда! Бегом!

Приятельницы похлопали ее по плечу:

— Ай да красава! Так ее, чмошницу!

Их очертания стали медленно расплываться у меня перед глазами. Слезы наполнили их. Не хватало еще разреветься! Нужно встать и дать им отпор. Пусть бьют, но унижать себя не дам. Когда я встала на колени, пытаюсь подняться, девчонка в вызывающе коротком платье и рваных кедах сделала шаг и нагнулась ко мне:

— Бу!

Мне было стыдно, но этот возглас заставил меня зажмуриться от страха. Я почувствовала только, как она рывком сорвала сумочку с моей груди и громко расхохоталась. Шаги быстро удалялись, а мне так и не хватило смелости открыть глаза. Я сидела на асфальте, тряслась от страха и слушала затихающий

звук их шагов. Когда веки наконец разжались, фигуры обидчиц уже сливались с горизонтом вдали.

Я прибежала домой вся в слезах, рассказала все маме и дяде Андрею. Хотела справедливости, а получила лишь выговор за ябедничество и длинную лекцию о собственном эгоизме и о том, как Кристине тяжело живется на новом месте. Мама молчала — ей новый муж не позволил меня жалеть: «Нужно быть сильной, а не такой, как твой покойный супруг».

Я убежала, закрылась у себя и долго рыдала, осознавая, что жизнь больше не будет прежней. Никогда. Не будет папы, не будет семьи, не будет нормальной жизни под одной крышей с ними. Дала себе слово, что вырасту и докажу всем, что мой отец погиб по воле несчастного случая, и никто больше не посмеет порочить его память, называя слабаком-самоубийцей.

С сестрой я попыталась заговорить сразу после ее возвращения. Не требовала объяснений, просила только отдать медальон с фотографией папы, который был в сумочке. Она швырнула его на пол, усмехаясь, — вынуждала опуститься перед ней на колени. Я подняла медальон, но взгляд не опустила. Решила, что все выдержу, приняла этот вызов. Терпеть, не замечать, не обращать внимания. Все для того, чтобы мама жила спокойно и чувствовала себя счастливой в этом браке.

Но что я поняла за последние десять лет, так это то, что Майский сумел полностью подчинить ее своей воле. Мама не только стала бояться высказать свое мнение, она теперь страшилась того, что Андрей заметит даже намек на наличие у нее такового. Все в доме за эти годы пропиталось атмосферой фальшивой любви: во время ненавистных мне ужинов, на которых все были обязаны присутствовать, глава семейства расточал всем похвалы. Обычно это выглядело так.

— Дорогая, — обращался он к моей маме, — отбивная чудесна. Не такая, как я просил, но это, безусловно, прогресс. Делаешь успехи.

— Варвара, дочка, — это уже мне, — одобряю твой выбор. Надеюсь, в итоге из тебя выйдет хороший следователь — свои люди в органах пригодятся всегда.

— Кристина, хорошая моя, — это уже сами понимаете кому, — не утруждай себя, если не хочется. Диплом всегда можно купить. На самом деле все, что нужно роскошной женщине, — это хороший супруг, способный ее обеспечить и сделать счастливой. — Пронзительный взгляд на маму. — Ведь так, дорогая?

Попробуй поспорь...

Мы были его личной коллекцией домашней мебели и аксессуаров. По крайней мере, именно так я это видела и чувствовала. Мама, к примеру, — дорогушая китайская ваза. Она имела только эстетическую функцию: подобная роскошная вещь должна стоять на самом видном месте, чтобы восхищать проходящих в дом гостей. На нее можно совершенно не обращать внимания — стоит себе и молчит, лишь изредка нужно не забывать вытирать с нее пыль.

Кристина — фамильное столовое серебро. Им любят, хвалят, берегут. Критиковать эту утварь категорически запрещено, ведь она является гордостью и украшением дома. А почерневшие края к приходу гостей всегда можно зачистить с помощью нашатырного спирта, уксуса или соды.

А я? Кто я? Наверное, старая искрящая проводка еще советского образца, которую давно пора менять из-за опасности замыкания, но жалко, ведь она так винтажно смотрится, да и мама к ней привыкла. Или старая бабушкина вставная челюсть. Все знают, что она есть, но пытаются не замечать. Поглядывают иногда, стараясь не выказать брезгливости и неприязни, и терпят только потому, что бабушке без нее никак не обойтись. Ждут, когда они отслужат свое. И челюсть, и бабушка.

Кстати, о бабуле. Дядя Андрей устроил мать моего отца в дом престарелых. Сразу, как только переехал к нам: «Так будет лучше для всех. Прасковья Афанасьевна нестабильна психически, у нее серьезные проблемы с памятью, поэтому ей просто необходим квалифицированный уход». Все, не обсуждается, он так решил.

Вот такой «равноправный союз».

Этот человек заставил маму отойти от дел, стал полностью контролировать ее досуг и расходы, даже в разговоре теперь

всегда отвечал за нее. Ведь он лучше знал, что хорошо для его семьи. С тех пор спорить моей маме не разрешалось, иметь свое мнение тоже, ведь все, что делает для нее новый любящий муж, — это «забота», а за нее нужно быть благодарной.

Почему я не бунтовала, спросите вы. В юности пыталась, но Андрей всегда оборачивал любые мои действия против меня. Расчетливый, скользкий, холодный тип.

Я:

— Кристина берет мои вещи без спроса.

Он:

— Не будь жадиной, Варвара. Тебе что, жалко их для сестры?

Я:

— Кристина обзывается, обижает меня, делает пакости.

Он:

— Своими выдумками ты не привлечешь к себе больше внимания, прекрати!

И так далее.

В общем-то, это меня даже закалило. Долгое время я присматривалась к новым членам семьи, пыталась определить их слабые места. Мечтала, что вырасту и предъявлю права на свою долю недвижимости и бизнеса, в шестнадцать лет даже начала изучать юриспруденцию, интересоваться своим наследством. И выяснила, что фирма отца давно обанкротилась и новым предприятием — крупной птицефабрикой, выросшей в свое время из маленького частного хозяйства, — теперь управляет единолично Андрей. Главное, все по закону, не подкопаешься. И единственное, что есть у нас с мамой теперь, — этот дом, из которого я съехала еще в восемнадцать лет.

Выводы: мы должны быть благодарны отчиму за то, что он содержал нас все это время. И никак иначе.

— Только не сейчас! — взмолилась я, вцепившись в руль чихающего автомобиля.

И тот, словно услышав мою мольбу, кашляя и дергаясь, продолжил путь. Через пятьдесят метров я припарковалась у железных ворот отчего дома. Заглушила мотор, схватила сумку, выбралась наружу и одернула узкую юбку.

Я бросила взгляд на окна второго этажа, туда, где располагалась спальня матери и Андрея. Плотные шторы были задернуты. Неужели она еще не встала? Мы же договорились!

Я уже привыкла к тому, что мама в последнее время стала забывчивой и рассеянной, но помочь дочери в планировании свадьбы — это ведь святое, разве не так?

Отворив дверь, я тихонько вошла. Отчим в это время уже должен был уйти в офис, он не слишком-то любил, когда мама куда-то выходила, поэтому мы с ней и договорились встретиться, когда его уже не будет дома. На всякий случай я на цыпочках прокралась к лестнице на второй этаж и уже занесла ногу над ступенькой, как слева прогремело:

— Даже не думай.

Я обернулась. Андрей сидел в столовой, как всегда подтянутый, собранный. В свои сорок восемь мой отчим выглядел молодо. Слегка тронутые сединой русые волосы, гладко выбритое лицо, строгий костюм, застегнутый на все пуговицы. Он казался невозмутимым и привычно холодным. И так было всегда, даже если внутри него кипели ярость и гнев.

— Привет, — поздоровалась я и встала по стойке смирно.

Отчим отложил столовые приборы, поправил салфетку на коленях и, оглядывая меня с ног до головы, прищурился.

— Не слышал, как ты вошла.

— Открыла своим ключом, — призналась я, набравшись смелости.

Он поднял бокал с вином и задумчиво посмотрел на его содержимое.

— Варвара, ты здесь давно не живешь. — Он сделал маленький глоток. — В следующий раз потрудись известить нас о своем визите заблаговременно.

Это уже слишком. Никто не посмеет запрещать мне приходить в мой собственный дом. В дом моего покойного отца! С этой мыслью я решительно шагнула в столовую.

— Я известила свою мать.

— Она меня не предупреждала.

— Ну прости, Андрей. — Я гордо выпрямила спину, готовая дать наконец этому хлыщу достойный отпор. — Когда мне хочется прийти в свой дом, я так и делаю. И не обязана спрашивать у кого бы то ни было разрешения.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Отчим неторопливо пригубил вино, затем поставил бокал на белую скатерть.

— Тогда, Варвара Николаевна, счета за услуги и все налоги на эту недвижимость тебе придется оплачивать самой. Разумеется, в той доле, которой ты владеешь.

Стойко выдержав этот удар, я улыбнулась.

— Тогда и вам, Андрей Михайлович, придется оплачивать услуги: газ, воду, свет и прочее. Разумеется, в той доле, в которой вы их потребляете.

А что? Я взрослая женщина, которая уже может позволить себе вступить в открытую конфронтацию с этим человеком. К тому же я выхожу замуж, и теперь есть кому за меня заступиться.

— Варвара. — Он остановил меня движением руки. — Вынужден напомнить: в этом доме мы не ходим в грязной обуви.

Я проследила за его взглядом. К одной из моих туфель действительно прилип комок грязи. Я сжала руки в кулаки, пытаясь унять раздражение, и набрала в легкие больше воздуха, чтобы покрепче высказаться, но... почему-то не хватило решимости. Я сняла лодочки и встала босыми ступнями на паркет.

— Так лучше?

— Если ты решишь остаться, попрошу Татьяну отнести твою обувь в прихожую.

— Татьяну?

— Да. У нас появилась экономка.

— Кто?

— Она будет вести домашнее хозяйство. Познакомься.

Отчим кивнул в сторону двери, я растерянно оглянулась и обнаружила за своей спиной молодую женщину. И вздрогнула от неожиданности. Откуда она там взялась? Шагов ведь не было слышно.

— Здравствуйте, — выдавила я тихо.

Незнакомка смерила меня долгим взглядом и слегка склонила голову. Видимо, этого в ее понимании было достаточно для приветствия. Бледно-зеленые глаза женщины смотрели на меня изучающе, огненно-рыжие волосы, собранные в красивую волну и аккуратно закрепленные сбоку, выглядели слишком ухоженными для простой прислуги. Платье из зеленого бархата, модный нюдовый маникюр и красные туфли на десятисантиметровой шпильке тоже говорили о том, что эта мадам вряд ли стала бы пачкать свои ручки грязной работой.

— Татьяна будет следить за порядком и руководить штатом прислуги. Мы наняли горничную, повара и садовника. — Отчим милостиво указал мне на стул. — Позавтракай, Варвара. Расскажи, как складывается твоя самостоятельная жизнь. Как Альберт? Давно не видел вас вместе.

Ну вот. И что он пристал к моему жениху? Во время нашего прошлого визита тот дал понять, что не хочет брать продукцию его птицефабрики на сбыт в свои магазины. Я замялась, подбирая слова, и наконец решительно заявила:

— Поднимусь к маме.

Развернулась и припустила бегом вверх по лестнице.

— На твоём месте я не стал бы этого делать, — услышался его недовольный голос за спиной, но меня уже было не остановить.

2

Что могло произойти в доме за пару недель с моего прошлого визита? Почему я его совсем не узнаю? Неприятное тревожное чувство холодило грудь, в ушах звенело.

— Мама! — тихонько позвала я, приоткрыв дверь в ее спальню.

Ответа не последовало. Я вошла, огляделась: внутри было темно и тихо. Интерьер в темно-зеленых тонах выглядел мрачно и даже пугающе. Такая обстановка кого угодно могла

вогнать в лютую депрессию, неудивительно, что мама в последнее время выглядела уставшей, тусклой и серой.

Я подошла к окну, раздвинула шторы и открыла форточку. Дневной свет ворвался в комнату вместе со свежей утренней прохладой, запахом озона и привкусом моря. Я обернулась к кровати. Мамино некогда красивое тело покоилось на шелковых простынях неподвижно, словно застывшее. Она лежала в странной позе: свернувшись, как эмбрион, будто желая спрятаться от всего мира под одеялом.

— Эй, мам... — Я села и погладила ее по плечу.

Она шевельнула губами, но глаз не открыла.

— Мамочка, — позвала я еще раз и легонько потрясла ее.

— М-м?.. — Ее веки с трудом приподнялись, замутненные сном глаза смотрели куда-то сквозь меня. — Варя...

— Почему ты спишь? Мам, тебе плохо?

— М-м... — снова простонала она, пытаясь приподняться.

Но, очевидно, сил на это у нее не хватало.

— Мы же с тобой договаривались утром съездить в ресторан. Помнишь? Внести предоплату за свадебный банкет, выбрать торт.

— Прости, доченька, — мама едва заметно покачала головой, — не выспалась.

— Что с тобой такое? Ты сама не своя в последнее время. Поздно легла? Он тебя изводит? — Я облизала пересохшие губы. — Что происходит? Скажи мне честно, мам, я обязательно придумаю, как тебе помочь.

На ее сонном лице вдруг промелькнул страх. Эту эмоцию я научилась распознавать еще давно. Приоткрытые в ужасе глаза, вскинутые брови, сжатый в напряженную полоску рот, резкие неловкие движения — все это каждый раз отражалось в ее поведении, стоило только сказать что-то неудобное ее мужу. Такое трудно было скрыть.

— Родная, — она попыталась рассмотреть меня, прищуриваясь от яркого света, — я просто устала. Честно. Прости. Мне нужно только немножко поспа... поспать...

— Ладно, — выдохнула я, поглаживая ее по спине, — ничего страшного. Схожу одна.

— Ох, прости, — прошептала мама перед тем, как отключиться.

Ее тело выглядело непривычно хрупким, кожа — бледной и безжизненной, как газетная бумага. Я наклонилась и обняла ее. Крепко, но нежно. Вдохнула знакомый запах волос, почувствовала родное тепло и не удержалась от слез. Черт возьми, она казалась мне такой слабой, почти прозрачной... Что-то внутри подсказывало, что это состояние у нее неспроста. И к этому может быть как-то причастен мой отчим.

Посидев еще минут пять, я поправила на ней одеяло и встала.

Мама всегда была справедливым человеком. С тех пор как в нашем доме появилась Кристина, она старалась не делать между нами различий: никогда не поддерживала ни одну из нас в спорах, была одинаково ласкова с обеими, стремилась выслушать и окружить заботой каждую.

Это не означало, что она перестала выполнять свои материнские функции на сто процентов, но между нами будто потерялась прежняя связь. Мы больше не проводили много времени вместе, как прежде, не говорили по душам, наше общение стало таким же официальным, как и все в этом доме с приходом Андрея. Даже после моего переезда наши телефонные беседы раз в несколько дней больше напоминали стенограмму из зала суда: «вопрос-ответ, вопрос-ответ». Сухо и по делу.

Мне было жаль ее. Чисто по-женски. Мама каждый день была вынуждена убеждать не только нас, но и саму себя, что живет счастливо. Но это так называемое «счастье» все больше превращало ее жизнь в существование. И сегодняшнее утро только укрепило меня во мнении, что ей нужна моя помощь.

Перед тем как покинуть комнату, я остановилась у прикроватной тумбочки. Что-то белеющее среди стопки книг вдруг привлекло мое внимание. Маленький пузырек с круглыми пилюлями внутри. Что это? Что за таблетки? Не слышала, чтобы маме назначали какие-то лекарства. Взяв в руку, я повертела его на свету — никаких обозначений и надписей, не было

даже наклейки с названием препарата. Я открыла пузырек, достала одно драже и быстро сунула в карман. И едва успела поставить пузырек на место, как услышала шаги за дверью.

— А, это ты, гончая наша, — раздался скрипучий голос.

Сестрица. Можно было догадаться, даже не оборачиваясь. От нее обычно веяло холодом за версту.

Стараясь не реагировать на очередной выпад родственницы, по-прежнему пытающейся задеть меня, я наклонилась, снова поправила на маме одеяло и только после этого медленно повернулась к ней.

— Привет, — произнесла я вполголоса, встретившись с ней взглядом, и двинулась в сторону двери.

Вид у Кристины был еще тот. Она стояла на пороге, опираясь о косяк, и ухмылялась. Всклоченные светлые волосы, будто только с подушки, под глазами — черные полосы от осыпавшейся еще вчера туши, потрескавшиеся губы... Платье на ней тоже не выглядело свежим: модное и стильное, оно было измятым, словно ей пришлось катиться кубарем с горы, потом трое суток ехать в битком набитом автобусе, а позднее пару километров крутить педали велосипеда.

— Ты чего так рано? — не собираясь сдвигаться с места, спросила сестрица.

— Может, выйдем? — предложила я, пытаюсь протиснуться между ней и дверным косяком. — Мама спит.

Крис долго сканировала меня взглядом и, наконец сдавшись, неохотно сделала шаг назад. В нос мне ударил резкий запах спиртного и духов. Причем не только женских. Она будто специально натерлась мужским лосьоном после бритья — так отчетливо ощущалось что-то знакомое: нотки фруктов, кедра и сандала.

— Ты не выпалась, что ли? — поинтересовалась я, рассматривая ее в коридоре.

— Просто еще не ложилась, — с довольным видом пропела она, смерив меня взглядом с высоты своего роста.

Крис внешне очень напоминала своего отца — такая же рослая, подтянутая, с заостренными скулами и ровным прямым

носом. Лет в четырнадцать, помнится, она резко начала обгонять меня по всем параметрам, а уже к восемнадцати вымахала, став на полголовы выше, оформившись и обзаведясь крутыми бедрами и достаточно пышной грудью. Девочка, надо признаться, всегда умело пользовалась всем тем, чем так щедро наделила ее природа. Словно чуяла, что мне нравится тот или иной мальчишка в старших классах школы, и тут же начинала проявлять к нему рьяный интерес.

— Тогда ясно, — кивнула я, желая быстрее закончить этот разговор. — Ну, мне пора. Пока, Крис.

Понятно, почему ее вид напомнил мне этюд «Возвращение с сеновала». Кристина выглядела откровенно счастливой, здорово помятой или — опишу ее эпитетом, которым она обычно награждала меня, — затраханной. Только Варя Комарова обычно так выглядела после интенсивной работы, а Кристина Майская — после хорошей гулянки. Румянец, припухшие губы, запах перегара и блаженное выражение обычно злых глаз сейчас только подтверждали данную версию.

— Подожди, — бросила она мне в спину.

Я обернулась, изобразив подобие вежливой улыбки. Ужасно не хотелось пускаться в очередные бессмысленные пререкания лишь для того, чтобы потешить ее самолюбие. Мне еще с детства надоело слушать, какая она умница и какая я зануда.

— Что? — спросила я, держа спину прямо.

Крис догнала меня в три шага и взяла под локоть.

«Что за внезапное проявление родственной любви и ласки?» — мелькнула у меня мысль.

— Пойдем, покажу. — Она повела меня по коридору, и я не стала упираться.

— Чья машина? — поинтересовалась я, заметив болтающийся в ее руке брелок.

— Моя, — похвасталась она, обдав меня смесью алкогольных паров и парфюма.

— Так у тебя же прав нет, — заметила я, пытаясь разглядеть хоть каплю чего-то здорового в ее замутненных алкоголем глазах.

— Купить — не проблема.

Ох уж, это чувство превосходства над всеми и вся! Каждый раз, когда сестрица чем-то хвасталась, ее спина выгибалась, плечи гордо выдвигались вперед, голова надменно склонялась набок. Непринужденность с налетом аристократизма, мать ее. Только попахивало все это, как правило, гнилью и фальшью. Сколько мы таких перевидали у себя в следственном комитете — сперва пальцы веером, а затем: «Мама, папа, помоги!»

Я высвободила руку и прорычала, сжимая кулаки:

— Сначала права покупаете, потом детей сбиваете.

— О! — застонала Кристина и изобразила, как приставляет к виску пистолет. — Началось! Опять мента включила! — Она остановилась и сложила руки на груди.

— Пошла бы лучше, как все, на права учиться, купила бы простенькую машинку, пока навыков мало. Так все делают. В мире нормальных людей.

Крис зевнула, устало опираясь о стену. Боже, и кому я пытаюсь втолковать очевидное? С такими эгоистами, как она, бесполезно о чем-то разговаривать. Не стоило и начинать.

— Слышь, Варь, — она откинула прядь светлых волос с лица и облизала пересохшие губы, — мы с тобой только начинаем нормально общаться, как ты опять включаешь вот эту свою правильность. Тебе бы расслабиться и жить в свое удовольствие, а ты ходишь вечно, как Шапокляк! В очках этих странных, в юбке учительской, в чунях старушечьих на маленьком каблуке. И еще поучаешь всех с умным видом. Правда, надоело уже. Тебя ментовка совершенно испортила, вот честно.

Отлично. Сейчас пойдет действие второе — Кристина начнет ставить себя мне в пример.

— Если тебе будет легче, — продолжила сестра, не оправдав моих ожиданий, — то я просила у папы машинку попроще. Не виновата, что он захотел купить мне новую «Хонду СРВ» цвета слоновой кости. — И она радостно потрясла перед моим носом брелком.

— Действительно, — усмехнулась я. — Настоящий садист.

— Перестань хмуриться, и так уже лет на сорок выглядишь в свои двадцать пять, скоро вся в морщинах будешь.

Я расслабила лоб и, стараясь сохранять спокойствие, произнесла:

— А почему сразу не «хаммер»? Или «феррари»?

— Понятно. — Крис надула губы. — Будь я твоей родной сестрой, ты бы за меня порадовалась.

Мне показалось, что у меня сейчас дым из ушей повалит. Будь она моей сестрой, я бы ее давно задушила. Труп вывезла бы и... и...

— Просто ты должна понимать, что езда без прав и в состоянии алкогольного опьянения до добра не доведет. Разве папочка тебе этого не говорил? Поберегла бы свою жизнь и жизнь ни в чем не повинных людей, которые ездят и ходят по дорогам города и не подозревают об опасности в твоём лице.

— Бла-бла-бла, — она изобразила пальцами что-то вроде лающей собаки, — не учи ученого, съешь...

— О, только давай без этого! Мы уже не дети, не паясничай. И говори уже: чего хотела?

Перестав смеяться, Крис двинулась дальше по коридору и поманила меня пальцем:

— Папа переделывает твою комнату.

— Что?! — Я припустила за ней следом.

— Делает ремонт.

— В смысле? Зачем?!

Сестра поглядела на меня через плечо:

— А ты что, собиралась вернуться?

Я пожала плечами:

— Нет.

— Ну а в чем тогда дело? Там пока поживет Татьяна, наша экономка.

«Лучше бы на ремонте сэкономили», — пронеслось у меня в голове.

— Но почему у меня? Это же моя комната, мои вещи, память в конце концов! — Мне показалось, что я сейчас просто задохнусь от возмущения.

— А вот, кстати, и твои вещи. — Открыв двери, Кристина указала на стоящие на полу коробки. — Большую часть рабочие

уже отнесли в подвал, здесь остатки. Заберешь? Или можем спустить туда же.

Я заглянула в комнату. Ни следа любимых розовых обоев. Все ободрано, полы уставлены банками с краской, емкостями с химией, валиками, ведрами и инструментами.

— По какому праву? — только и смогла произнести я, с трудом протолкнув слюну в пересохшее горло.

— Да брось ты, Варька. — Эта прожигательница жизни набралась наглости и хлопнула меня по плечу. — Красиво же будет! Он ведь как лучше старается.

— Татьяне что, обязательно жить у нас? Она не может просто приходить каждый день? И зачем вообще этому дому домоправительница? Здесь даже править нечем!

— Послушай, Комарова. — Голос сестры вдруг стал жестче. — Если папа решил, значит, так нужно, усекла? Ты же знаешь, где начнешь с ним спорить, там и закончишь. С приходом Татьяны у нас действительно стало уютнее. Не все же ей в папиной бильярдной, в мансарде ютиться, правда ведь? Вот. — И уже мягче добавила: — Тебе она понравится, увидишь. Наташику ведь понравилась.

— Мою маму зовут Наталия! — Я присела и принялась дрожащими руками перебирать вещи в коробках.

Старые тетрадки, книги, немного одежды, деревянные фигурки, доставшиеся от папы, — он сам их вырезал. Тигр, крыса, обезьяна, дракон, бык, лошадь и другие. Все знаки китайского гороскопа.

— О-ке-ей, — насмешливо отозвалась Крис где-то за спиной. — Наталь так Наталь, только не закипай опять. Ты такая нервная в последнее время.

«А ты такая тупая и наглая, что даже тошнит», — в гневе подумала я.

Я продолжила перебирать вещи. Слишком много коробок. Слишком много вещей, которые хотелось бы сохранить на память. И чувство такое в душе неприятное... Не беру — выбросят. Без капли сожаления. Как только вместить все это в крохотный «спарк»? Проблематично. Нужно будет

попросить кого-то из ребят-оперов съездить со мной, они не откажут.

Нет, ну что за люди! Взяли и вышвырнули мои вещи из моей же комнаты. Бесцеремонно, без предупреждения. А мама! Хоть бы заикнулась об этом!

— Как дела на службе? — разглядывая свой маникюр, спросила сестрица и громко зевнула, едва не вывихнув челюсть.

— На службе? — Поставив одну коробку на другую, я с трудом подвинула их ближе к стене. И принялась отряхивать юбку, моментально покрывшуюся толстым слоем строительной пыли.

— Да. — Крис убрала волосы за уши. — Все убийц ловишь? Никакой личной жизни?

Я выпрямилась и бросила на нее уничтожающий взгляд.

— К чему такие вопросы? Ты же знаешь, у меня скоро свадьба. И с личной жизнью все в порядке.

— У тебя? — Она хитро улыбнулась и округлила глаза. — Ты уверена?

— Не смешно. — Я сердито сдвинула брови. — У нас с Альбертом все хорошо. Назначен день бракосочетания. Можешь и дальше обзывать меня хоть занудой, хоть Шапокляк, но я выхожу замуж за человека, который любит меня такой, какая есть. Удивительно, правда?

— Правда. — Теперь Кристина старательно изображала попытку сдерживать смех. — Только это все еще больше похоже на фантастику, чем на реальность. Ты точно не выдумываешь? Да я, мне кажется, быстрее замуж выйду, чем ты.

— Да ради бога. — Я усмехнулась и направились к окну. — Только почему раньше-то не вышла? Желающих не нашлось?

— Раньше не хотелось, — сказала она, четко разделяя слова. — А теперь вот как-то резко захотелось... аж мочи нет...

«Тогда ищи дурака!» — мысленно усмехнулась я.

Мне действительно стало смешно. Замуж ей захотелось. Пусть сначала папочка найдет терпилу, который станет молча сносить все выходки этой избалованной стервы, а потом уже заикается о браке. Еще смеет мне не верить! Издевается! А что

тут такого? Я вроде бы не страшная. Умная, серьезная, надежная. Перспективная. На таких как раз и женятся.

И я уткнулась носом в стекло окна, через которое часто в детстве любовалась морем: то тихим, с блестящей ровной гладью поверхности, будто спящим или притаившимся, то беспощадным, бушующим, готовым обрушить на берег всю мощь своих волн. Как же было когда-то хорошо... Пока папа не умер...

Я опустила взгляд вниз, на ворота. Моя машина так и стояла на своем месте, только теперь вокруг нее кто-то неторопливо расхаживал. Валера. Водитель, правая рука Андрея, верный прислужник или карманный миньон, как я его про себя называла. Фигурой он был очень схож с мультяшным персонажем — коротышка, голова которого плавно переходила в туловище без талии, с короткими толстенькими ножками. Довольно мерзкий тип, если честно.

Когда он принялся во второй раз обходить мою четырехколесную малышку, внутри у меня неприятно похолодело. Что ему нужно?

— Вот теперь мне точно пора, — пролепетала я, разворачиваясь, и поспешила на выход.

— Удачи, — послышалось за спиной. — Сестренка...

3

Быстро спустившись по лестнице, я с облегчением выдохнула, когда не застала отчима ни в столовой, ни в гостиной. Отыскала туфли в прихожей, надела их и вышла во двор.

— Привет, — бросила я и, торопливо перебирая ногами, припустила к своей машине.

Валера со скучающим видом курил, стоя в метре от моей «ласточки».

— Привет, — ответил он, дождавшись, когда я выйду к нему за калитку. — Варя, ты перегородила выезд.

— Да? — Я пригладила пальцами и без того идеально прилизанные волосы. — Прости, торопилась.

По правде говоря, ничего я не перегородила. Спокойно мог выехать, не трамвай же.

— Ладно, шеф все равно еще не спустился.

— Ага. — Я остановилась возле автомобиля, достала из кармана пиджака брелок, щелкнула сигналкой.

Мужчина продолжал курить в тени акации, стряхивая пепел в аккуратно постриженный газон. На вид Валере было лет сорок, не меньше. А на самом деле — около тридцати: возраст ему прибавляли тридцать-сорок килограммов лишнего веса.

Он появился у нас, когда дела на фабрике пошли хорошо и Андрей уже мог позволить себе личного водителя. Мне в то время было около пятнадцати лет. Этот толстяк, выглядевший тогда ничуть не лучше, чем сейчас, входил в число доверенных лиц шефа, имел свободный допуск в его кабинет и к нам в дом. Не знаю, уж как он умудрялся помещаться за руль с таким животом, но мне всякий раз казалось, что он вот-вот протрет баранкой дыру на рубашке.

— Слушай, Валер, — сказала я, открыв дверцу автомобиля, — а ты в технике разбираешься? Не помотришь двигатель?

Он выбросил окурок в урну и подошел ближе. На его сорочке расплывались влажные круги в районе подмышек и ворота.

— Что у тебя? Сломалось что?

Я села за руль и осторожно захлопнула дверцу.

— Да завелась сегодня плохо.

— Могу хорошего автослесаря порекомендовать. — Валера наклонился, разглядывая меня из-под опущенных ресниц. Не самый приятный взгляд, его фирменный. — Сам я на уровне обычного водителя: масло там поменять, запаску поставить.

Он устроил локти прямо напротив моего лица.

— Ну ты послушай, пожалуйста, — натянута улыбнулась я, — сама-то я совершенно ничего не соображаю в моторах.

— Хорошо... — Валера нехотя убрал руки и двинулся к капоту. — Заводи, послушаю.

Я повернула ключ в замке зажигания, сработал стартер, двигатель заурчал ровно и размеренно. Голова водителя скрылась

под капотом. Я бросила короткий взгляд на крыльцо. Андрей уже стоял у двери и хмурился, поглядывая в нашу сторону.

— Вроде нормально все, — отозвался Валера. — Двигатель шепчет.

— Ладно. — Я пожала плечами, глядя, как он закрывает капот.

Толстяк снова направился ко мне:

— Может, аккумулятор нужно поменять? Когда меняла?

— Да как купила, не трогала, — сказала я, пристегиваясь, и смерила его долгим испытующим взглядом.

— Понятно. — Он хлопнул по крыше автомобиля и, вдруг заметив шефа, выпрямился и отряхнул руки.

— Ну... спасибо, — пролепетала я, увидев, что отчим направляется к нам. — Мне пора, а то опоздаю.

И резко тронулась с места. Не хватало мне еще одного неприятного разговора с этим Майским. Вот выясню, чем он мать пичкает, и выгоню их всех из своего дома к чертям собачьим. Хорошо, что сдержалась и не стала скандалить — с такими изворотливыми типами нужно вести себя умнее.

Я выехала на Прибрежную улицу, которая тянулась вдоль моря. Меня всегда успокаивала дорога, шум волн, вид бескрайних вод и горных вершин, взрезающих облака вдалеке. Приятное чувство оттого, что теперь все изменится, согревало душу не меньше. Надо же, как бывает: не ищешь любви, не жаждешь отношений, а тут вдруг, словно из ниоткуда, появляется твой принц.

У нас с Альбертом так и вышло. Год назад я забежала к маме повидаться и столкнулась в дверях с симпатичным блондином. Среднего роста, с голубыми глазами и маленькой ямочкой на подбородке. Такой крепкий, что меня от удара о его плечо даже назад отбросило. Андрей тогда пригласил его на ужин, надеялся навести мосты, договориться о сбыте продукции, но гостя мало вдохновили предложенные условия — стабильный поставщик с более приемлемыми ценами у него уже был.

Тогда я не придавала значения этой встрече. Парень подхватил меня, не дав растянуться на полу, помог сохранить равновесие

и подняться. Представился. Я лишь улыбнулась в ответ, произнесла свое имя и поспешила в дом. Удивилась, когда Альберт вдруг позвонил на следующий день. Не восприняла всерьез. Может, я действительно не люблю себя, как говорит мама, но мне трудно было поверить, что молодой, подающий надежды бизнесмен захочет видеть рядом с собой такую серость, как я. Не то чтобы я считала себя некрасивой или что-то вроде того... Просто такие, как он, чаще выбирают более эффектных подруг.

Мы начали встречаться, но из-за плотного графика обоих это со временем становилось все труднее. Нужно было что-то менять. После моего отказа переехать к нему Альберт вдруг предложил мне выйти за него замуж. Вот так, спустя год отношений. И я, взвесив все за и против, согласилась. Нет, я не была безумно влюблена, но... Просто видела, что *он* меня любит, что заботится, что он — надежный и милый. И понимала, что вряд ли кто-то другой согласится принять меня — с моим-то характером и причудами.

Мама очень обрадовалась, а вот отчим отреагировал сдержанно. Правда, позже выразил надежду на то, что это может сыграть на руку его бизнесу. Сестра, разумеется, даже не поверила.

— Мечтаю, чтобы меня красиво совратил какой-нибудь мультимиллиардер, — сказала она, — а тебе и торгаш нормально. Если это, конечно, правда.

А мне было все равно, что они думают. Главное — мама. Она, конечно, совсем потеряла контроль над своей жизнью и в руках Андрея уже напоминала желе, но отказывалась это признавать и жутко сердилась, если я ей на это намекала. Поэтому нейтральные темы, вроде моей работы и личной жизни, становились нашим тихим островком, связующей нитью. И ей ужасно нравилось помогать мне с подготовкой торжества. Она мечтала, как все будет, а я кивала и продолжала пахать. На службе, разумеется.

Взглянув на часы, я поняла: нужно поторопиться, иначе не успею на планерку. А опоздание — все равно что конец света,

совершенно невозможное событие. Графики, планы, расписания — это все мое. Мне даже иногда снится, как я бегу, вкладывая в отчаянные движения последние силы, и... опаздываю. Просыпаюсь в холодном поту. Может, для кого-то кошмары — это чудища, монстры, бросающиеся за вами в погоню маньяки-убийцы. Для меня такое — всего лишь обыденность, а вот прийти куда-то не вовремя — настоящий мрак. Страх, парализующий сознание. Ведь я ни разу не опаздывала, никуда и никогда. Ни в школу, ни в вуз, ни на работу. Лучше прийти заранее и подождать, чем... Ух, от одной мысли сразу плохо становится!

Может, сестрица и права, когда называет меня занудой. Не знаю, но организованность — это моя стабильность, уверенность, стержень.

Я остановилась у отеля «Бухта», закрыла машину и бодро вбежала внутрь.

— Добрый день! — обратилась я к портье. — Мне нужно оплатить аренду главного зала, у меня мероприятие назначено на двенадцатое июня.

— Прошу вас, — тот указал рукой на дверь справа, — это к управляющему.

— Спасибо.

Я направилась в кабинет. Увидев меня, мужчина в светлом деловом костюме вскочил с места, подбежал и пожал мне руку:

— Рад приветствовать.

Дверь за моей спиной мягко закрылась.

— Я... очень спешу, — заметила я, поглядывая на настенные часы. — Мне назначено на девять.

— Да, помню. — Управляющий указал на кресло, обтянутое малиновой кожей. — Присаживайтесь. Вы уже были на дегустации?

— Мне бы только внести залог. Это же можно отложить на другой день? Уже опаздываю на службу.

Я остановилась возле его стола и залюбовалась красотой убранства. Высокие потолки, окна в пол, отделка мрамором,

изысканная мебель. Понятно, почему Альберт настоял на том, чтобы торжество проходило здесь.

Наверное, мне это снится. Как в сказке: я пройду под руку с самым прекрасным мужчиной на свете перед семью десятками гостей. Белое пышное платье с открытыми плечами, аккуратная диадема, маленькая, чисто символическая фата. Ох... Для такого случая можно даже волосы распустить на людях!

— Всю сумму будете вносить? — донесли до меня слова управляющего.

И я словно полетела вниз с вершины сказочной горы, где нет ответственной и сложной работы с кучей злодеев всех мастей, нет навязанных мне родственничков и рутины, одни лишь зефирные облака, купидончики и мужчина мечты, который скоро станет моим мужем.

— Да, всю, — ответила я коротко и сурово, выложив из сумочки на стол стопку купюр, переданных мне еще неделю назад женихом.

— Отлично, — с придыханием произнес мужчина и, заграбастав банкноты, принялся пересчитывать их.

Я кивнула, сохраняя уверенный вид. Каким бы ты ни был внутри себя, профессия обязывала сохранять серьезный вид всегда и при любых обстоятельствах.

— Все верно, — облизав губы, проворковал управляющий и принялся выписывать мне счет.

Ну вот. Заявление подано, платье заказано, аренда оплачена. Я еще на один шаг ближе к своей мечте.

— Варя! — окликнул меня на стоянке Лунев.

— Егор! — с облегчением вздохнула я и, закрыв машину, направилась к нему. — Думала, что уже опоздала на планерку.

— Для тебя это равносильно пыткам, — засмеялся коллега, дожидаясь, когда мы поравняемся.

Егор Лунев. Высокий мускулистый шатен со смеющимися зелеными глазами и бледной кожей человека, редко бывающего на солнце. Он всегда казался мне моложе своих тридцати двух — совсем как мальчишка. Может, дело было в его неисся-

каемом оптимизме, а может, в обезоруживающей улыбке, заставляющей собеседника довериться и чувствовать себя рядом с ним комфортно. Не знаю. Но если бы не Лунев, я могла бы твердо сказать, что у меня нет друзей. Совсем.

Егор тоже был следователем и занимал соседний со мной кабинет. С его помощью мне удалось стать тем, кем я сейчас являюсь. Он прикрывал меня, если было нужно, поддерживал, ободрял. Единственный, кто понимал мое стремление добиться успеха, доказать, что я чего-то стою. Спорным методом мотивации, конечно, можно считать его утверждение «Кто не дослужился до капитана к двадцати пяти, тот дебил», но на меня тогда подействовало.

Два беспросветных «глухаря», раскрытых мной за последний год, подняли меня в глазах начальства и даже своих собственных. Вряд ли бы мне хватило смелости принять требуемые решения, если бы не он. Вот уже за одно это, за руку помощи его и можно было уважать.

— Ты преувеличиваешь, — смутилась я, поравнявшись с ним, — просто нет ничего ужаснее, чем входить в кабинет в разгар планерки и видеть, как Порох готов взорвать тебя одним взглядом!

— Тебе же не доводилось этого испытывать, — засмеялся Егор. И мы быстрым шагом двинулись к зданию. — Не переживай, Пороховников вошел в эту дверь всего полминуты назад.

— Не может не радовать, ведь только нареканий мне сейчас не хватало. Такое дело, такая ответственность, у меня мозги скоро вскипят! Всю ночь думала, думала, прокручивала снова и снова. Хорошо тебе с твоим душеителем, есть живая свидетельница, а у меня полный тухляк. Потому это дело мне и подсунули.

— Не потому... — Лунев кашлянул, открывая передо мной дверь. — Прошу вас.

Я шагнула внутрь, отметив про себя, что сегодня его джинсы и рубашка с закатанными рукавами, обнажающими белую кожу рук, казались нелепыми на фоне стягивающихся со всего

города к морю полураздетых людей, почуявших приход настоящего тепла.

— Варвар, у меня тут...

— Слушай, — перебила я, — у меня сестра пьяная на машине гоняет, права, похоже, купила. Что делать?

Я пропустила Егора вперед. Не люблю, когда мужчины поднимаются по лестнице следом за мной и пялятся, куда не следует.

— Ну... — Он взъерошил аккуратно уложенные на макушке пряди каштановых волос. — Если купила, это ведь не значит, что они фальшивые. Наверняка все по закону. — Он ступил на лестницу и обернулся. — Настучать хочешь?

— Не знаю. — Я подтолкнула его. — Шевелись, а то опоздаем.

— Да у меня...

— И еще, — снова перебила его я. — Есть вопрос по одному делу. Схожу, конечно, к экспертам, но может, ты подскажешь. Если тормозные шланги перерезать, лампочка ведь замигает? Водитель точно заметит. А что, если просто надрезать? Тормоза ведь не сразу откажут? Как раз в пути?

Лунев снова резко обернулся ко мне. Преградил дорогу, наклоняясь к самому лицу.

— Опять дело отца мусолишь? — На меня приятно пахнуло лосьоном после бритья и мятной зубной пастой. — Машины уже нет, криминалист, который изучал ее, давно помер. Варь...

— Но ведь тело не найдено...

— Варь!

Сильные руки неожиданно мягко легли на мои предплечья, привлекли к себе.

— Мне нужно знать, понимаешь? — произнесла я, сглотнув.

— Мы с тобой уже обсуждали... — взволнованно прошептал Егор, наклоняясь все ближе к моему лицу.

Я подняла руку, поправила очки.

— Знаю...

Его грудь высоко вздымалась от частого дыхания.

— У тебя сейчас есть проблемы важнее, поверь.

Літературно-художнє видання

СОКОЛ Олена
Принц для Попелюшки
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Ердякова*

Підписано до друку 22.03.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 19,32. Наклад 6500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

СОКОЛ Елена
Принц для Золушки
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 22.03.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 19,32. Тираж 6500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Зведена сестра практично вкрала її жениха з-під вінця, а тепер запрошує на весілля. Після такої подвійної зради у кого завгодно руки опустилися б. Але слідчий Варя Комарова не збирається здаватися. Їй вдається змінити імідж, стати сміливішою та відкинути сумніви в собі. Випадкове знайомство з вродливим та уважним Артемом затягує її у вир безумних подій. Артем пропонує їй разом піти на весілля «зрадників», щоб утерти їм носа. Він готовий зіграти роль нового хлопця Вари... Чим обернеться ця гра?

Сокол Е.

С59 Принц для Золушки : роман / Елена Сокол. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 368 с.

ISBN 978-617-12-6052-8

Сводная сестра практически украла ее жениха из-под венца, а теперь приглашает на свадьбу. После такого двойного предательства у кого угодно руки опустились бы. Но следователь Варя Комарова не собирается сдаваться. Ей удастся изменить имидж, стать смелее и отбросить сомнения в себе. Случайное знакомство с красивым и внимательным Артемом затягивает ее в водоворот безумных событий. Артем предлагает ей вместе пойти на свадьбу «предателей», чтобы утереть им нос. Он готов сыграть роль нового парня Вари... Чем обернется эта игра?

УДК 821.161.1